

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 4 (40). С. 191—197.

Economic and Social Research. 2023. No. 4 (40). P. 191—197.

Научная статья

УДК 17/18 + 1:336

doi: 10.24151/2409-1073-2023-4-191-197

<https://www.elibrary.ru/kyoeku>

Идея возвышенного как эстетическая и моральная ценность в свете опыта негативной антропологии XX в.

Н. П. Кнэхт

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

nataknekht@gmail.com

Аннотация. Обращаясь к работам Э. Бёрка и И. Канта, автор пытается проследить, каким образом идея возвышенного была введена в европейское мирозерцание в качестве новой эстетической и моральной ценности. Почему сегодня меняется ориентир в оценке произведения искусства, когда точкой отсчета выступает уже не извечно прекрасный образец, а сила эмоционального воздействия, которое способно вызвать произведение, и что такое опыт возвышенного, и возможен ли он? Автор пытается понять, как травматический опыт негативной антропологии XX в. встраивается в ткань социальной жизни; как изменяются культурные и эмоциональные структуры восприятия — и может ли залогом возвышенного выступить Боль, Отчаяние, Страдание или Унижение. В статье показано, что опыт ГУЛАГа, Освенцима, поэтика разрушения и трудности выражения этого опыта в произведениях искусства свидетельствуют об амбивалентности возвышенного. Восприятие Прекрасного, Добра, Порядка, Священного, равно как и переживание Боли, Страдания, Насилия, Унижения и Ужаса спасают от распада и возвышают над невыносимостью Бытия, когда пережитый опыт становится идеальным этическим состоянием жизни.

Ключевые слова: травматический опыт, трансцендентальный опыт трансгрессии, возвышенное, структуры восприятия, судьба

Для цитирования: Кнэхт Н. П. Идея возвышенного как эстетическая и моральная ценность в свете опыта негативной антропологии XX в. // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 4 (40). С. 191—197. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-4-191-197> EDN: KYOEKU.

Original article

The idea of the sublime as an aesthetic and moral value in the light of the experience of the 20th century negative anthropology

N. P. Knekht

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

nataknekht@gmail.com

© Кнэхт Н. П.

Abstract. Referring to the works of E. Burke and I. Kant, the author tries to trace how the idea of the sublime has been introduced into the European worldview as a new aesthetic and moral value. Why is the benchmark in the evaluation of a work of art is changing today, when the starting point is no longer an eternally beautiful sample, but the power of the emotional impact that the work can cause, and what is the experience of the sublime, and is it possible? The author tries to understand how the traumatic experience of the 20th century negative anthropology is embedded in the fabric of social life; how cultural and emotional structures of perception change, and whether Pain, Despair, Suffering or Humiliation can be the key to the sublime. The article shows that the experience of the GULAG, Auschwitz, the poetics of destruction and the difficulties of expressing this experience in works of art indicate the ambivalence of the sublime. The perception of the Beautiful, the Goodness, the Order, the Sacrality, as well as the experience of Pain, Suffering, Violence, Humiliation and Horror, save from decay and elevate above the unbearable of Being when the experience becomes an ideal ethical state of life.

Keywords: traumatic experience, transcendental experience of transgression, sublime, perception structures, fate

For citation: Knekht N. P. “The Idea of the Sublime as an Aesthetic and Moral Value in the Light of the Experience of the 20th Century Negative Anthropology”. *Economic and Social Research* 4 (40) (2023): 191—197. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-4-191-197> EDN: KYOEKU.

Выбранная тема обусловлена быстрыми социальными, культурными, институциональными изменениями, которые влекут за собой стремительную «пересборку» жизненной среды современного человека, вынужденного существовать в ситуации выбора, риска — и надежды на новые возможности и перемены. Этические и эстетические конфликты и коллизии времени проявляют себя в высокоинтенсивных эмоциональных и аффективных социальных процессах. Изменениям подвергается и сам человек (как предмет этического и эстетического оценивания), и «оптика» этого оценивания. Травматический опыт, опыт трансгрессии рождает новую эмоциональную чувствительность, позволяя сегодня возобновить вопрошание о чувстве возвышенного. Возможно ли оно сейчас? В классической эстетике прекрасного / возвышенного Э. Бёрк и И. Кант точно сформулировали, к чему можно отнести чувство возвышенного: это Прекрасное, Добро, Священное, Закон. А может ли залогом возвышенного выступить Боль, Отчаяние, Страдание или Унижение?

Изменение понимания и новые смыслы идеи возвышенного в европейской культуре мы попытаемся рассмотреть в свете опыта негативной антропологии XX в. Для этого нам потребуется обратиться к проблемам и понятиям, не только вписанным в актуальный философский контекст, но и содержащимся в классических работах Э. Бёрка, И. Канта. Кроме того, многим идеям и интеллектуальным интуициям мы обязаны исследованиям известного советско-российского философа В. Подороги [7; 8].

Данная работа развивает тему, ранее начатую в статьях [5; 6], и содержит дальнейшее осмысление вопросов, поднятых там.

Что такое «возвышенное»? Если обратиться к краткой истории развития европейской культуры, то можно заметить, что чувством возвышенного одарены все люди. Чувство возвышенного относится к некоторым *базовым параметрам* так называемой *человечности*. Эмоциональная жизнь человека — сложное психологическое (психическое) целостное состояние, она не может сводиться к проявлениям каких-либо

отдельных эмоций. Можно сказать, что «возвышенное» — такое состояние, которое имеет характер общего (для всего поколения) чувства, легко переживаемого в человеческих отношениях, характерных для обычной жизни. Его часто называют *сентиментальностью, душевностью, отзывчивостью* — или пользуются иными определениями, эквивалентными эмоциональной жизни, в которой проявляется наша человечность. Другой аспект, связанный с пониманием возвышенного, отсылает нас к истории, когда это понятие сформировалось в процессе философского осмысления способности к суждению. Философы своими учениями «озвучивают» сферу человечности, опираясь на традицию. Особую роль играет философ сегодня, хотя нынешнее время и нельзя назвать «золотым веком» философии. Современная ответственность философского знания связана с явлением расчеловечивания и с уходом (отходом) человека от своего образа; этот уход проявляется во всех сферах повседневности, в отчужденности внутри человеческой жизни, в потере политической субъектности, в превращении человека в придаток того, что не связано с его сущностным бытием. Современный человек не занимается самым главным — самим собой. Это состояние можно диагностировать как падение чувства возвышенного [7].

Если кратко рассмотреть историю чувства возвышенного, то удастся выделить несколько сюжетов. Одно из пониманий возвышенного заключается в так называемом двойном движении души. Оно связано с изумлением, остановкой действия, замиранием мысли и момента жизни, но и с одновременным привлечением разума, обеспечивающего чувство безопасности в критические моменты столкновения с экстраординарным. Чувство возвышенного могут вызвать к жизни какие-нибудь величественные природные явления: пейзаж или ландшафт, состоящий из могучих гор и водопадов, морская стихия или величайшие исторические

события. Чувство возвышенного появляется в момент изумления / испуга, заставляющего искать убежище в разуме, способном оценить само явление. Это одна из первых формулировок: чувство возвышенного как сложное, амбивалентное чувство человека, которого нечто одновременно отталкивает (и он испытывает желание убежать и скрыться) и притягивает (и его завораживает любопытство): «Всё, всё, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслаждения — бессмертья, может быть, залог!» [9].

Другой аспект чувства возвышенного связан с абсолютизацией прекрасного и неординарного в произведениях искусства — музыки, поэзии, живописи, где не остается места обыденному, прозаическому чувству. В истории человечества складывалась определенная логика развития этого чувства и его понимания. И здесь тоже можно проследить тенденцию к падению чувства возвышенного. Это чувство сопровождало все крупнейшие исторические события в Европе, начиная с Французской революции, и стало доминирующим, агрессивно-активным чувством, формирующим человека, что не могли не заметить интеллектуалы эпохи Просвещения XVIII в.

В то время появились два выдающихся мыслителя, рассуждавших в своих работах о понятии «возвышенное». Это были англо-ирландский идеолог консерватизма Эдмунд Бёрк и немецкий философ, один из центральных мыслителей эпохи Просвещения, — Иммануил Кант.

В 1790 г. Бёрк написал работу «Размышления о революции во Франции». Удивительно, что в ней он с позиций консерватизма критиковал страшные события той революции, которая *еще не случилась*. Он предвидел революционный террор и приход Наполеона [2]. Помимо этого, также известен его трактат по эстетике — «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» (1757) [3].

Кант в третьей критике — «Критике способности суждения» (1790), посвященной эстетике и телеологии, — заложил основы эстетического понимания мира [4]. Просвещенческую функцию Кант видел в следующем: человек, по его мнению, должен так совершенствовать собственный разум, чтобы удалось действовать автономно, суверенно, независимо от влияния другого разума.

Если сравнить трактовку возвышенного у этих мыслителей, можно увидеть существенные различия. Бёрк пришел к выводу: возвышенное — самое угрожающее человеку чувство. (Если выстроить ретроспективу, то, по мнению Бёрка, окажется: все чрезвычайные события в истории связаны с тем, что человек, не управляя своей пассионарностью, своими аффектами, впадает в такие состояния, которые ведут к разрушению не только его собственной жизни, но и жизни окружающих людей.) Консервативная позиция Бёрка заключалась в том, чтобы исследовать чувство возвышенного и показать, как оно связано с тем, с чем век Просвещения начал бороться, а именно с невероятно стойкой, неотступной страстью — страхом.

Страх как доминирующее чувство сопровождал (и сопровождает) человека многие тысячелетия. Особенно сильной проблемой он сделался, когда Европа начала выходить из Средневековья, принимая новые формы общения, экономической и политической деятельности, когда постепенно стали складываться государства. При этом страх, идущий из глубокого Средневековья (и из более ранних эпох), связанный со «страхом божьим», с судьбой угнетенной грешной души, в страхе и трепете предстоящей перед высшей инстанцией — Богом, сковывает любую деятельность, ограничивает эмоциональную жизнь. В эпоху Возрождения из-за того, что уменьшился контроль со стороны церкви, ослаб институт папства, накопилась усталость от непрерывных европейских войн, чудовищных эпидемий

и голода как постоянных могущественных источников страха, в Европе возникла культурная ипостась страха. Страх заместили его культурные формы. Чувство возвышенного, как и чувство прекрасного (по отношению к природе и к тому, что создано человеком), — наглядный пример того, как можно преодолеть страх перед опасностью. В сущности, страх преодолевают и обретают чувство безопасности с помощью громадного промежуточного царства культуры, воплощенного в разнообразных утонченных формах.

Бёрк связывал представление о возвышенном с тем, что способно вызвать страх, испуг, заставить испытать боль, страдание и ужас. У Бёрка «возвышенное» и «прекрасное» взаимно исключали друг друга.

Кант, напротив, пытался построить категориальную эстетику и совместить понятие «возвышенное» с понятием «прекрасное», хотя и на разных основаниях. С одной стороны, он старался выработать философию вкуса на платформе созерцательных процедур, когда появляется понятие прекрасного, с другой — философия возвышенного у него базировалась на аффектах.

Надо заметить, что некоторые исследователи культуры полагают: Просвещение (в широком смысле) — некий период в истории, некий *перманентно повторяющийся* переход от пониженного уровня знания, ослабленного творческого потенциала, бедной эмоциональной жизни, общей подавленности к последующему взрыву и другому состоянию, в другую стадию. Причем смена этих падений и взлетов не прогрессирует. В сущности, почти каждое поколение застает особое состояние культуры — и вынуждено создавать условия для того, чтобы наступила его собственная «эпоха Просвещения в широком понимании», способная вытянуть культуру и человечество из упадка.

Исторический опыт прошлого показывает: воля к разрушению, к радикальным переменам, стихийная тяга к перестройке

и деструкции привычных форм жизни настолько сильна, что человек невероятно быстро, необъяснимо внезапно впадает в варварство. И человечеству требуются гигантские усилия, чтобы преодолеть расчеловечивание, вытянуть себя из варварства и деградации.

В европейской культуре при переходе от Средневековья к Новому времени (а именно в эпоху Просвещения) открыли явление (и ввели в обиход понятие) модерна — и отнесли его не только к сфере искусства. Модерн — осознание современности как таковой, связанное со стремительным развитием техники, с появлением новых возможностей в промышленности, торговле. На заре эпохи раннего модерна (в начале XIX в.) родились две значительные фигуры: Шарль Бодлер и Фридрих Ницше; позже они провидчески предскажут завершение модерна и заложат основы новой эстетики. Человечество через просвещенческий разум пришло к абсолютному тупику — такой результат дала технизация жизни, которая стала теперь поглощать самого человека. Поэтому искусство не могло оставаться прежним, но должно было отражать конфликт, зреющий внутри европейской культуры.

В начале XX в. можно зафиксировать распад рационалистической картины мира. Его обусловили отчетливо выявившиеся к этому времени «неразумные» тенденции в развитии западной цивилизации, кровавые парадоксы истории. Сознание европейского интеллектуала, травмированное ужасами Первой и особенно Второй Мировых войн, физическим и духовным геноцидом, усомнилось в безграничных возможностях разума. Обнаружилась наивность и утопичность просвещенческой модели. Теодор Адорно, размышляя о том, закончилось ли Просвещение как проект катастрофой, заключил: человечество после этих ужасных войн и событий попало в безвыходную ситуацию. Можно ли испытывать чувство

возвышенного после Освенцима, где вся культура превращается в мусор? Как возможны поэзия, музыка после расстрела в Бабьем Яру, после газовых камер Аушвица? И можно ли восторгаться, восхищаться великими картинами старых мастеров, когда была создана и отработана чудовищная в своей монотонности технология массового убийства?

Ханна Арендт пыталась ответить на эти вопросы в книге «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме». Она находила причину Холокоста в рутинизации нацистской идеологии [1]. Чудовищные медицинские эксперименты над заключенными в лабораториях и концлагерях Третьего Рейха проводили *врачи*, которые перестали видеть в подопытных — истощенных стариках, женщинах, детях — людей, а рассматривали их как материал. И ценность человеческой жизни в глазах этих врачей сравнялась с ценностью «бревен».

Перед человечеством возникла кантовская дилемма. Ужасное состояние раздвоения: разум отказывается понимать те чувства, которые человек переживает, попадая в такое катастрофическое событие, как Освенцим. Кажется, что это невозможно, непредставимо, непоправимо — и не поддается никакому оправданию. И можно ли назвать людьми тех, кто совершил преступление, испытывая атомную бомбу в Хиросиме? Можно ли оправдать ГУЛАГ? Разве то и другое совместимо с разумом и человечностью вообще?

Автоматизация, рутинизация, «оприличивание» даже самой ужасной действительности, когда повседневность становится «плавильным котлом рациональности», превращает людей в автоматы — и тогда нормализуется даже самая чудовищная ненормальность.

Опыт негативной антропологии XX в. заставляет художников и аналитиков искусства вновь обратиться к идее возвышенного. Насколько современное искусство способно

порождать возвышенное в сегодняшней ситуации, воздействовать на человека и изменять структуру его чувств через демонстрацию ужаса, боли, отвращения?

По-разному пытались ответить на эти вопросы Теодор Адорно и Юрген Хабермас. Так, Хабермас искал возможность выхода в пространство новой социальной общности и солидаризировался с теорией коммуникативного действия Никласа Лумана. Эти два мыслителя в 1980-е гг., еще до Интернета, заложили основы так называемой *сетевой культуры*, опирающейся на коммуникативную стратегию общества.

В это же время современное западное общество входит в стадию стабильного уверенного развития — и складывается понимание, что любые проблемы и трудности можно решить конвенционально, коммуникативным путем, не прибегая к традиционным формам насилия и политической игры.

Таким образом, если некогда Бёрка и Канта интересовало искусство в рамках его восприятия, интересовали формы человеческой реакции, то сегодня ситуация изменилась. Иначе говоря, Бёрк и Кант анализировали некоторый набор человеческих реакций на любой предмет — предмет, который кто-нибудь спустя некоторое время мог бы назвать произведением искусства. Если для крупных мыслителей предыдущих эпох целостный законченный образ реальности, несомненно, существовал, а сама система эстетики, с их точки зрения, отражала действительность напрямую, то, когда возникла новая политическая реальность и новые формы чувственности, возвышенное впервые встретилось с ограничениями. Оно уже не могло находиться в рамках эстетического чувства, которым дорожат эстеты и искусство само по себе. Так, Шарль Бодлер в книге «Цветы зла» намеренно вызывал у читателя отвращение — подобная авторская стратегия считалась неприемлемой в эстетике Канта. Отвращение как шоковое состояние противостояло там эстетическому

чувству возвышенного. Но завершение эпохи модерна ознаменовалось пониманием современности как таковой через создание идеального абсолютного произведения, для которого реальность уже не нужна. Само произведение стало существовать автономно от реальности и больше не подпадало под ее власть.

Список литературы и источников

1. **Арендт Х.** Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / пер. с англ.: С. Кастальский, Н. Рудницкая. М.: Европа, 2008. 424 с.
2. **Берк Э.** Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / сокр. перевод с англ. Е. И. Гельфанд. М.: Рудомино, 1993. 144 с.
3. **Бёрк Э.** Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного / пер. с англ. Е. С. Лагутина. М.: Искусство, 1979. 236 с.
4. **Кант И.** Критика способности суждения. М.: ЧОРО, 1994. 414 с. (Собрание сочинений: в 8 т. / И. Кант; т. 5).
5. **Кнэйт Н. П.** Исторический опыт негативной антропологии и судьба возвышенного в литературе и философии XX и XXI вв. = *Historyczne doświadczenie antropologii negatywnej i los wzniosłości w literaturze i filozofii XX i XXI wieku* = Historical experience of negative anthropology and destiny of the Sublime in 20th and 21st century literature and philosophy // *Estetyczne modele literatury rosyjskiej. Estetyka i światopogląd: II Międzynarodowa Konferencja Naukowa* (Białystok, 9—10 marca 2017 r.) / pod red. W. Biegluk-Leś, E. Pańkowskiej, A. Waczeńskiej-Murdek. Białystok, 2018. S. 203—217.
6. **Кнэйт Н. П.** Расколотый мир европейской культуры в «другой» литературе // Энергия травмы: сб. науч. статей XIX Междунар. науч. конф. / ГрГУ им. Янки Купалы; под науч. ред. Т. Е. Автухович. Гродно: ГрГУ, 2023. С. 461—467. EDN: OHRTQY.

7. **Подорога В. А.** Возвышенное. После падения. Краткая история общего чувства. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 270 с.
8. **Подорога В. А.** После ГУЛАГа. Политика философии. Новые вызовы // Апология политического / В. А. Подорога. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2010. С. 11—41.
9. **Пушкин А. С.** Пир во время чумы // Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. Изд. 4-е. Т. 5: «Евгений Онегин». Драматические произведения. Л.: Наука, 1978. С. 351—359.
6. Knekht N. P. “The Split World of European Culture in the ‘Other’ Literature”. *Energiya travmy: sb. nauch. statey XIX Mezhdunar. nauch. konf.* Yanka Kupala State Univ. of Grodno; sci. ed. T. E. Avtukhovich. Grodno: Yanka Kupala State Univ. of Grodno, 2023. 461—467. (In Russian). EDN: OHRTQY.
7. Podoroga V. A. *The Sublime. After the Fall. A Brief History of the General Feeling.* Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2022. 270 p. (In Russian).
8. Podoroga V. A. “After the Gulag. The Politics of Philosophy. New Challenges”. *Apologiya politicheskogo.* By V. A. Podoroga. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2010. 11—41. (In Russian).
9. Pushkin A. S. “A Feast during the Plague”. *Polnoye sobraniye sochineniy.* By A. S. Pushkin. 4th ed. Vol. 5. Leningrad: Nauka, 1978. 351—359. 10 vols. (In Russian).

References

1. Arendt H. *Eichmann in Jerusalem. A Report on the Banality of Evil.* New York: Viking Press, 1963. 312 p.
2. Burke E. *Reflections on the Revolution in France: and on the Proceedings in Certain Societies in London Relative to That Event.* Ed. by C. C. O’Brien. London: Penguin Books, 1982. 150 p. Penguin Classics.
3. Burke E. *A Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful.* 5th ed. London, 1767. 342 p.
4. Kant I. *Kritik der Urteilskraft.* Hrsg. von. Karl Vorländer. 5. Aufl. Leipzig: Verlag von Felix Meiner, 1922. 394 S.
5. Knekht N. P. “Historyczne doświadczenie antropologii negatywnej i los wzniosłości w literaturze i filozofii XX i XXI wieku = Historical Experience of Negative Anthropology and Destiny of the Sublime in 20th and 21st Century Literature and Philosophy”. *Estetyczne modele literatury rosyjskiej. Estetyka i światopogląd: II Międzynarodowa Konferencja Naukowa (Białystok, 9—10 marca 2017 r.).* Ed. W. Biegłuk-Leś, E. Pańkowska, A. Baczevska-Murdzek. Białystok, 2018. 203—217. (In Russian).

Информация об авторе

Кнэхт Наталья Петровна — кандидат философских наук, доцент, доцент Института высокотехнологического права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Information about the author

Natalia P. Knekht — Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Associate Professor at the Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию после доработки
20.11.2023.

The article was submitted after updating 20.11.2023.